

О тех, кто учился в выпускном классе, обычно говорили: позже всех уходят на каникулы, раньше всех возвращаются к учебе.

Едва отгремели праздники Нового 1985 года, как будущим выпускникам пришлось возвращаться за парты. Зачем? На дополнительные занятия. И ведь не откажешься — обязателька, да еще и по пятьдесят юаней с каждого содрали, плата принудительная. Конечно, досрочное начало семестра мало кого радовало: кому охота прерывать каникулы ради зубрежки? Но и учителям пришлось пожертвовать своим отдыхом ради того, чтобы их подопечные хоть как-то сдали выпускные экзамены.

С этого момента время будто сорвалось с цепи. Дни полетели один за другим, а в классах с каждым часом густело удушливое напряжение. На улице стремительно теплело, воздух становился сухим и раскаленным — казалось, чиркни спичкой, и всё полыхнет. Нервы у многих были на пределе. Кое-кто из ребят, не выдержав давления, закрывал лицо руками и тихо выл от бессилия прямо за партой. Но, выплакавшись и утерев слезы рукавом, они упрямо возвращались к тетрадам.

В такой обстановке даже те, кто заведомо не рассчитывал на поступление или вовсе забросил учебу, притихли. Шумные игры и дурачества прекратились сами собой. Понимая ситуацию, учителя ослабили поводья: если уж совсем опустил руки и не хочешь учиться, иди гуляй во дворе. Главное — не мешай остальным. Жестоко? Возможно. Но когда у выпускников и их родителей нервы натянуты как струны, а педагоги валятся от усталости, никто не станет потакать ленивому меньшинству в ущерб тем, кто борется за свое будущее.

За окнами истошно надрывались цикады. Полный штиль сковал деревья — ни один листок не колыхался в душном, предгрозовом мареве. В кабинете все буквально исходило потом, обмахиваясь тетрадками и не отрывая взгляда от учебников. Гроза разразилась ближе к полудню. Небо потемнело, налетел шквалистый ветер, и первые капли — тяжелые, будто свинцовые пули — с грохотом забарабанили по стеклам. Гром гремел так, словно над самой крышей школы катились исполинские каменные жернова, отзываясь в груди глухой, тревожной дрожью.

Ливень наконец-то сбил затяжную жару. Стало заметно прохладнее, а воздух наполнился свежим, до боли родным запахом мокрой земли и прибитой к ней свежей травы.

Напряжение в классе ненадолго спало, и ребята понемногу разговорились. Местные, у кого дома были в уездном городе, хвастались заботой родителей: одному мать варит целебные бульоны, другому покупают дорогие снадобья для памяти, третьему отец сам машет веером, пока тот зубрит формулы. Для городских ребят такая домашняя опека была делом привычным.

Деревенские же ребята, жившие в общежитии, о наваристых супах и веерах могли только мечтать. Но стоило им вернуться после выходных из дома, как их тумбочки ломились от скромных гостинцев: домашней выпечки, сушеных овощей, солений. В деревнях отдавали последнее, урезая пайку остальным членам семьи. Разве можно сказать, что этих детей любили меньше? Конечно, нет. Родное тепло грело всех одинаково.

До судьбоносных экзаменов оставалось чуть больше месяца. Ли Кай и Ван Сюань чувствовали, что их головы уже пухнут от бесконечной зубрежки, и решили дать себе небольшую передышку. Договорившись поехать домой вместе с Цичжи, который тоже давно выбился из сил, ребята первым делом отправились за покупками.

Из-за жесткого графика они не были в деревне несколько недель. Ли Кай переживал, что отец снова экономит на еде и бережет каждую копейку из тех денег, что они ему оставили. Поэтому парни набрали сытных продуктов и присмотрели для Ли Сы добротную летнюю рубаху со штанами.

С тяжелыми сумками они уже направились к автостанции, как вдруг заметили на улице нескольких односельчан. Те бежали куда-то в крайней тревоге. Среди них Ли Кай разглядел отца Дачжуана. Почуввав неладное, ребята бросились наперерез и перехватили мужчину за рукав.

Мужчина замер, тяжело дыша, и уставился на ребят безумным взглядом:

— Гудань? А вы-то тут какими судьбами?

— Да вот, продукты отцу покупали, — быстро ответил Ли Кай. — А у вас что стряслось? На вас лица нет!

— В деревне беда, — хрипло отозвался отец Дачжуана. — Раненых в уездную больницу привезли.

У Ли Кая и Ван Сюаня оборвалось сердце.

— Что случилось?! — в один голос выдохнули они.

— Дачжуан наш... и другие ребята, — у отца Дачжуана пересохло в горле, он с трудом выдавливал слова. — Ноги им покорёжило взрывом... Сейчас врачи в операционной бьются.

— И погибшие есть, сразу несколько человек, — всхлипнул один из прибежавших мужиков, утирая слезы грязной рукой. — Там... собирать нечего было. На куски разорвало.

Парней затрясло от ужаса.

— Как это... погибли? — прошептал Ли Кай, бледнея. — Откуда взрыв? Что произошло?!

— В карьере рвануло, — безнадежно махнул рукой односельчанин. — На каменоломне. Все, кто в тот момент в забое работал, под замес попали. Кого насмерть, кого покалечило.

Внутри у Ли Кая всё заledenело от дурного предчувствия. Ведь на этой каменоломне трудились его ровесники, деревенские парни, с которыми они вместе выросли. При каждой встрече они взахлеб рассказывали, как там тяжело, но зато плата — дай бог каждому, живые деньги!

— Кто?! — Ли Кай схватил мужчину за плечи. — Кто погиб? Кто ранен? Говорите!

— Ханьва... Ханьвы больше нет, — разрыдался мужик. — И из соседних деревень ребят завалило. Дачжуан, Дафу и еще двое живы, но сильно побиты, сейчас в палатах. А мы... мы ищем хоть кого-то из начальства этой чертовой конторы. Нужно же понять, кто за это ответит! Нельзя это так оставлять!

У Ли Кая похолодело внутри. Ему было невыносимо жаль погибшего Ханьву и покалеченных друзей, но еще больше он боялся за этих мужиков, решивших «искать правду». В силу возраста он смутно представлял себе бюрократическую машину государственной и частной системы, но понимал одно: пока каменоломня приносила прибыль, деревенских привлекали хорошим заработком. Теперь же, когда случилась катастрофа, хозяева сделают всё, чтобы выйти сухими из воды.

Парни даже не зашли в общежитие, чтобы оставить тяжелые сумки. Они побежали вслед за мужиками к больнице. По пути Ли Кай завернул к телефонной будке и набрал дежурного в учительской — благо, после постройки нового учебного корпуса на первом этаже установили телефонный аппарат. Он попросил передать Цичжи, чтобы тот срочно шел в уездную больницу, и отпросил себя и Ван Сюаня у классного руководителя на остаток пятницы и субботнее утро. По выходным они обычно уезжали домой после обеда, но сейчас было не до уроков.

У ворот и в коридорах уездной больницы яблоку негде было упасть. Сюда стягивались перепуганные люди со всей округи — родственники, соседи, просто равнодушные земляки из Сикани и других пострадавших деревень. Воздух был пропитан запахом хлорки и немой горем.

Быстро протиснувшись сквозь толпу, Ли Кай и Ван Сюань то и дело кивали знакомым, коротко объясняя, от кого слышали о беде. Расспрашивая очевидцев, они постепенно восстанавливали картину произошедшего.

— Понимаешь, позавчера ведь ливень прошел, — шепотом рассказывал один из выживших рабочих, утирая замурзанное лицо. — Земля отсырела. Подрывники заладили, мол, фитили могут отсыреть и не загореться, поэтому их укоротили. Мы-то сами в зарядах не смыслим, наше дело — камень таскать. Но, похоже, из-за коротких шнуров всё бахнуло раньше времени. А сейчас ведь стройка везде, госучреждения своим рабочим жилье сдают, камень нужен позарез. Хозяин карьера гнал план, обещал сверхурочные, если норму перевыполним. Вот сегодня ни свет ни заря и заложили двойную порцию взрывчатки сразу на нескольких участках...

— Сказали, что всё рассчитали до секунды, — продолжал рабочий, и голос его задрожал. — Мол, подождем фитили, и у всех будет время уйти в укрытие. А оно как ахнет! Первый заряд

рванул раньше времени, от детонации по цепочке пошли остальные взрывы. Ад крошечный начался. Кто не успел отбежать... тех просто погребло под каменной лавиной.

Мужчина стоял в изорванной, покрытой каменной пылью куртке. Отрешенный взгляд воспаленных глаз, запекшаяся кровь на щеке — было видно, что он сам только что вылез из этого ада и на попутке сопровождал искалеченных товарищей.

Ли Кай и Ван Сюань переглянулись. Обоим было ясно: на каменоломне плевать хотели на элементарную технику безопасности. Никаких профессиональных взрывотехников, никакого контроля — лишь бы выжать из людей максимум. Раньше обходилось исключительно чудом, но сегодня лимит крестьянского везения исчерпался.

В уездном городе действительно развернулось небывалое строительство. С началом реформ экономика поползла вверх, государственные предприятия получали целевое финансирование и спешно возводили жилые кварталы для своих сотрудников. Камень и кирпич скупались подчистую прямо с колес. В такой неразберихе, когда на кону стояли огромные деньги и сроки, виновных в трагедии найти будет непросто — чиновники и хозяева карьера наверняка начнут перекладывать вину друг на друга, замечая следы.

О подобных трагедиях они читали в газетах и слышали от старших. Даже на крупных государственных шахтах и буровых то и дело гремели взрывы, не говоря уже о полулегальных частных угольных разрезах, где человеческая жизнь не стоила и ломаного гроша.

В стране царил переходный период: старые законы уже не работали, новые еще не приняли, а зоны ответственности ведомств переплелись в нечитаемый узел. Если пахло прибылью — слетались все, но стоило случиться беде, как чиновники принимались виртуозно играть в футбол чужими судьбами.

Лозунги трубили о небывалом экономическом скачке, но за красивыми цифрами скрывались зияющие дыры в законах и искалеченные жизни простых тружеников. «Щепки летят, когда лес рубят» — так цинично оправдывали эти жертвы наверху. Великая страна разворачивалась слишком неповоротливо, местное начальство привычно замалчивало ЧП перед Столицей, а за ошибки системы расплачивались своими жизнями деревенские парни.

Эпоха перемен напоминала пробуждение древнего исполина: когда такое чудовище ворочается, земля ходит ходуном под ногами, круша мелкие лачуги. Детали никого не интересовали. Властям требовалась стабильность любой ценой, поэтому большинство подобных происшествий спускали на тормозах, выплачивая копеечные компенсации и затыкая рты пострадавшим. Ради «общего блага» трагедии замалчивались.

Но каково было тем, на кого обрушивался этот удар? Обычная крестьянская семья не имеет запаса прочности. Стоит погибнуть или остаться калекой единственному кормильцу — и весь их хрупкий мир рухнет в одночасье, оставляя голодных детей и стариков без малейшей надежды на выживание.

Защиты ждать было некуда. Законы молчали, суды бездействовали, а простые люди оставались один на один со своим горем и абсолютным бессилием.

Раньше, читая сухие сводки происшествий в газетах, Ли Кай воспринимал чужую беду как нечто далекое, почти нереальное. Но теперь беда постучалась в их собственный дом. Погиб Ханьва, парень, с которым они еще вчера играли в пыли у сушильного тока. Чужой нож не ранит, пока сам не истечешь кровью. Лишь сейчас Ли Кай по-настоящему осознал, что означает это глухое, удушающее отчаяние, когда хочется кричать во весь голос, но тебя никто не слышит.

Когда запыхавшийся Цичжи ворвался в приемный покой уездной больницы, Ли Кай и Ван Сюань сидели прямо на холодном бетонном полу, прислонившись спинами к облупившейся стене. На них не было лица. Трагедия оказалась слишком сокрушительной для вчерашних школьников, никогда прежде не сталкивавшихся со смертью лицом к лицу.

— Ли Кай, Сюань! Что стряслось? — тяжело переводя дух, крикнул Цичжи. От волнения он начисто позабыл школьные приличия и выпалил детское прозвище друга: — Гоудань, почему здесь столько наших?

— Пришел... — глухо отозвался Ли Кай, приподнимая голову.

Цичжи бросился к нему, хватая за плечи:

— Да не молчи ты! Что случилось? С дядей Ли что-то?!

— Нет, с отцом всё в порядке, — покачал головой Ли Кай, сглатывая вставший в горле ком. — Дачжуан... и остальные ребята с каменоломни. На карьере взрыв был.

Он прерывистым, бесцветным голосом пересказал всё, что удалось узнать от выживших рабочих.

Слушая его, Цичжи медленно опустился на колени. Лицо его сделалось белым как полотно. Смерть страшила сама по себе, но осознать, что погиб кто-то из их маленькой компании, парням, которым еще и двадцати не исполнилось, было выше сил.

— Но... как же так? — пролепетал Цичжи, бессмысленно глядя перед собой. — Мы же только на тех выходных виделись. Они еще смеялись надо мной, когда я от пары глотков рисового вина захмелел, обещали в следующий раз настоящую выпивку притащить... Как это — их больше нет?

Цичжи бессильно опустился на пол рядом с ребятами. В ушах всё еще звенел задорный смех Ханьвы, перед глазами стояло широкое, добродушное лицо Дачжуана. Поверить в случившееся казалось невозможным.

Время тянулось невыносимо медленно. Из операционных изредка выбегали медсестры, выносили окровавленные простыни. Раненых привезли столько, что скромный штат уездной больницы просто захлебнулся. Тех, кто отделался ушибами и легкими порезами, даже не оформляли — они сидели в коридорах, сами мазали ссадины дешевой зеленкой или йодом, купленным в аптечном киоске. Но тяжелораненым с открытыми переломами и оторванными конечностями требовалась срочная хирургическая помощь. Нужно было остановить кровотечение, попытаться спасти то, что еще можно спасти. Возможности местной больницы были скудными: не хватало ни современного оборудования, ни медикаментов, ни опытных хирургов. И все же везти покалеченных парней в провинциальный центр прямо сейчас было чистой воды самоубийством. Дорога долгая, жара нещадная — раны загноятся, начнется гангрена, и тогда ампутации точно не избежать. Врачи делали всё возможное, чтобы хотя бы стабилизировать раненых. Дальнейшее зависело только от крепости их молодых организмов и воли providения.

К работе привлекли всех врачей, до последнего терапевта. Лишь когда за окнами стусились глухие сумерки, двери операционных начали открываться чаще. Изувеченных ребят одного за другим перевозили в палаты хирургического отделения. Изможденные, бледные, под капельницами, они лежали неподвижно, словно бездыханные тела. Родственники молча шли следом за каталками, глотая слезы и не смея прикоснуться к бинтам, сквозь которые уже проступали багровые пятна.

<http://bllate.org/book/19654/1996777>